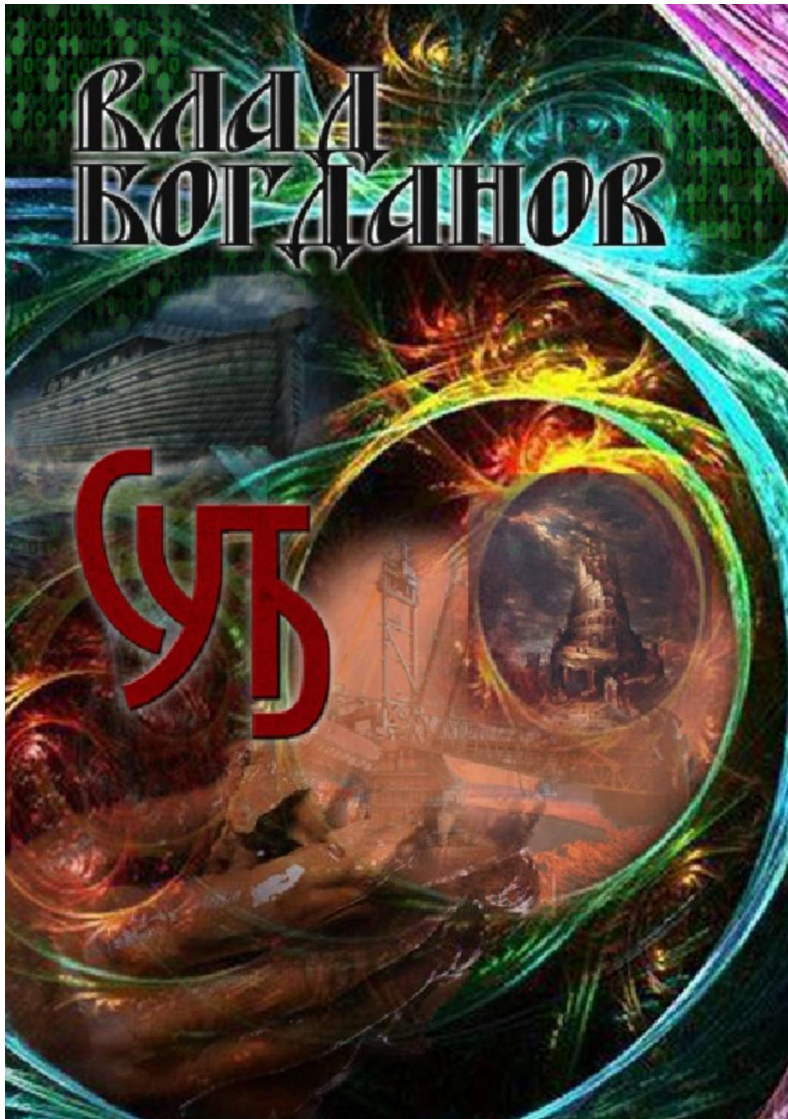

Радд Ботдатор

СН

Влад Богданов

Суть

<https://litres.ru/74568829>

SelfPub; 2026

Аннотация

Удивительное, почти фантастическое приключение самого обыкновенного человека и его невероятные познания о прошлом и великие метаморфозы в настоящем, которое вполне возможно изменят будущее, и не только его.

Радикальное переосмысление реальной истории.

Поиск уникальных артефактов и новый взгляд на реальность.

Содержание

Глава 1 Разговор.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Влад Богданов

Суть

Глава 1 Разговор.

Пролог.

Здесь, как всегда – хорошо. Как только сюда попадаю, меня сразу окутывает состояние спокойствия и умиротворённости, приятной истомы и нежной радости. А ещё, каждый раз попадая сюда, я испытываю Дежавю.

Странно, я совершенно не помню, в который раз я здесь? Возможно это, в результате не прекратившегося пока его влияния. Надеюсь, это скоро пройдёт.

Ведь, такая долгожданная свобода, только что пришла.

Почему-то, в последнее время, жажда свободы была такой огромной, что казалось, она никогда не придёт. Как же он мне надоел за последние годы! Да, освобождение - хорошая штука.

Странно как-то. Это совершенно не мои слова. Неужели это не окончательная свобода? Нет, глупости. Сдам отчёт, и всё пройдёт.

Странно, только этот аргумент уверенности мне совершенно не прибавил. Ладно, сначала сдать отчёт.

Хорошая штука этот нейронный узел. Не нужно бегать по разным инстанциям, выстаивать очереди в душных коридорах под маломерными кабинетами в ожидании приёма и потом ещё долго доказывать, что это в первую очередь нужно не тебе, а именно им.

Да, здесь все значительно проще. Стоит только заглянуть сюда и тебя сразу же окружают вниманием и заботой и наперебой предлагают свои услуги: - психологический отчёт, пожалуйста, это сюда; неврологический отчёт, сюда, пожалуйста; биологический отчёт это здесь, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Здесь столько сетей, столько веток, столько линий и все готовы принять любую информацию, которую ты не принеёшь. И, что самое интересное, все предлагают не просто принять информацию, но и обработать её, а после ещё и предоставить все услуги для приведения себя в порядок после столь утомительной работы - благодать. Все отчёты в одном месте, такой себе - МФЦ – прекрасно. Ой, что это я?

Ну, вот, опять не я говорю. Или я? Что-то точно не так. И очень странное ощущение, что мне просто необходимо снова туда вернуться, очень странно.

Сейчас главное - сосредоточиться и в отдел распределения. Собрать справки и заполнить анкету. А, нет, сначала надо составить отчет. Итак, где у нас отчёты составляют? Вот здесь. Первый вопрос...

Как же не хочется. Эта работа, явно не по мне. Кем мне

только не приходилось быть: и испанской танцовщицей и британским рыцарем, и французской герцогиней и итальянским корсаром. А последний, этот русский ведун. Сколько сил было на него потрачено?

Да, как сказал Шекспир: - Весь мир театр, а люди в нём – актёры, чтоб ему пусто было. Да, он ещё добавил: - Кто плут, кто - шут, а кто простака, мудрец или герой". Это, что, опять я говорю? По-моему, это первый симптом того, что мне просто необходимо вернуться.

Ну, хорошо, чему быть, тому не миновать, не обращаем внимания, просто продолжаем разбираться, что же делать дальше, братцы? Ага, уже и стихами, прям как он. Нет, вот как раз об этом - не будем.

И так. Во-первых, нужно определиться с родителями: кто отец, кто мать, хотя в принципе, что с ними определяться? Я и так знаю что мне нужно. Он у нас ловелас, а она? А она... - ломовая лошадь. Ну, таких-то пар, хоть отбавляй. Ладно, где анкета? Что тут? Отец, мать, сестра, брат, жена, муж, хватит. Остальное по ходу.

Ладно, поехали.

В жизни обязательно должно случиться то, что должно случиться потому, что если не случится то, что должно случиться, не случится то, что должно случиться за тем, что должно случиться, а если оно не случится, то ничего не случится вообще и не будет будущего. Это - последовательность.

Разговор.

Сегодня всё как всегда, за исключением того, что мы снова сможем встретиться и поговорить.

Это бывает очень редко, но когда это случается и я и он, во всяком случае, мне так кажется, так же доволен такой возможностью. Конечно, мы почти постоянно в контакте. То я ему маякну и скину какую-нибудь интересную информацию, то он, вдруг, из ниоткуда даст пищу для размышления. В общем, диалог никогда не заканчивается. Только вот так, обстоятельно поговорить случай выпадает очень редко.

Ничего не предвещает никаких изменений в наших планах, и мы сможем спокойно обсудить накопившиеся вопросы. Погода великолепная, рядом никого, кто смог бы помешать разговору, случайно встряв в него и перебив мысль или фразу.

Мы смотрим, друг на друга, просто так, без лишних эмоций, поскольку очень давно и очень хорошо знаем друг друга. Хотя иногда, в нашем разговоре появляются напряжённые нотки недопонимания. Но, они очень быстро проходят, поскольку секретов у нас друг от друга нет никаких, от слова абсолютно. А чего секретничать? Мы же почти досконально знаем наши характеры и почти читаем мысли друг друга.

А, ведь, действительно! Нам даже, почти не надо говорить. Мы обмениваемся взглядами и, практически, слышим всё, что хотим сказать один одному. Только в какие-то напряжённые или эмоционально горячие моменты, может сорваться фраза или две.

Кстати этот, как принято выражаться – феномен, и стал сегодня основной темой нашего разговора. А началось всё, как всегда, банально просто. Я, как-то совершенно не специально вспомнил сегодня историю о Вавилонской башне. Поговорить об этом было не с кем, и я целый день перекладывал в своей голове мысли с полки на полку, а они обростали всё новыми и новыми воспоминаниями, осмыслениями и выводами.

И вот, дождавшись нашей встречи и, наконец, возможности высказаться, я, после короткого приветствия, сразу же спросил:

- Вавилонская башня – это повод, пример или урок?

- Не первое, не второе и тем более не третье – ответил он.

– И вообще, ты

о чём?

- Я, вообще-то о Вавилонской башне, точнее о том, что произошло

вследствие её строительства. А точнее о разобщении народов. Об их не понимании друг друга из-за разности языков и вследствие языкового барьера, о распаде великого союза народов.

Ну, я и выдал, даже самому понравилось.

Он посмотрел на меня совершенно безэмоционально и спросил.

- Тебе это действительно интересно или так, риторический вопрос?

- Конечно, интересно – настаивал я.

- Если так, тогда нужно начать немножко с другого конца.

Правда, вряд ли

тебе эта информация будет приемлема, но, как говорить-ся, сам напросился - сказал он лукаво, хотя, никаких эмоций я совершенно не заметил. Всё было в его голосе, точнее в чём-то, что отражало его голос в моей голове.

- Начну с того – спокойно, как бы вспоминая, сказал он, хотя, насколько я его знаю, ничего вспоминать ему никогда не приходилось. Он всегда всё не просто помнил, он просто всё знает и выдаёт информацию именно тогда, когда её нужно выдать. Мне бы так научиться, а то постоянно приходится что-то вспоминать, записать не получается, то забуду, то руки не доходят, то, даже карандаша нет, ладно, сейчас не об этом – что всё это началось значительно раньше, чем указывается во всех научных, географических и всякого рода исторических источниках.

- Ты видел когда-нибудь, как растёт кристалл? – как бы невзначай, спросил он меня. - Неважно какой, солевой, кварцевый, кремниевый или ещё какой-нибудь, не видели?

- Нет – смущённо сказал я.

- Очень жаль – произнёс он и продолжил - неопишемое зрелище. Для начала, потому что кристалл растёт очень медленно, и следить за его ростом пришлось бы, не отрываясь несколько суток подряд, что не всем под силу. А, в продолжение...

Ты когда-нибудь видел ускоренную съёмку, как раскрывается цветок? Любой цветок, совершенно не важно, какого цвета, размера, конфигурации и прочее, очень красиво, правда?

- Правда – я, как наяву увидел эту, ещё с детства врезавшуюся мне в память картинку, которую показывали на первом, купленном отцом цветном телевизоре.

- Эти плавные движения выравнивающихся лепестков – как бы, не услышав меня, продолжал он - их нежные развороты и аккуратные объятия друг друга в плотном и одновременно таком мягком и нежном бутоне. Эти чувственно-завораживающие перемещения и перетекания жизненной энергии из одного лепестка к другому...

Я расплывался от представленной в моей голове картин-ки.

- Так вот – оборвал он мои видения - это – ничто по сравнению с тем, как рождается кристалл.

-?!

- В цветке всё понятно с самого начала – как бы предва-ряя мой молчаливый вопрос, сразу же сказал он. - Есть бу-тон, и есть границы, в которые он вписывается, как бы кра-сиво он не раскрывался. Есть определённая цветовая гамма, и есть последовательность размеров лепестков. В кристаллах всё совершенно по-другому.

Во-первых, ты никогда не сможешь точно сказать, какого размера будет кристалл, если, конечно, точно не вычислишь,

сколько тебе необходимо взять изначального материала.

Во-вторых, ты никогда не сможете точно определить конфигурацию кристаллов, только, если ты имеешь огромную практику в их выращивании.

И в третьих, цветовая гамма кристалла не поддаётся никакой регулировке, если ты, конечно не спец, и может быть настолько разнообразной, насколько бесконечна вселенная во всей своей необъятности и непостижимости.

Я слушал его совершенно монотонную речь, но мне казалось, что он вкладывает в каждое слово столько эмоций, что они просто окутывали и поглощали меня и я сам пропитывался ими насквозь.

- Так вот – не останавливался он - когда кристалл растёт, ты и на долю секунды не сможешь предугадать, где, когда, как и в каком виде и сочетании появятся эти маленькие крохи, которые начнут увеличиваться и расти, переплетаясь, и перетекая друг в друга. Они будут создавать при этом неимоверно вычурные, сказочно загадочные и космически невообразимые конфигурации и переплетения. И всё то, что сейчас было сказано об этом чудесном действии, не отражает и маленькой толики всего того, что происходит, всего того, что можно наблюдать и всех тех чувств, которые испытываешь во время этого волшебного действия.

В моей голове, как в калейдоскопе сложилась вычурная многогранная картинка воображаемого кристалла, и я с нескрываемым интересом вглядывался в её причудливое

строение, находя всё новые и новые грани, цвета и формы.

- Если тебе – опять услышал я его голос - захочется заняться таким кропотливым делом, как выращивание кристаллов, приготовься к тому, что, как бы тебе не хотелось ускорить процесс, всё придётся делать спокойно, медленно и без суеты.

- Почему – если? – удивился я – обязательно, ведь это так красиво.

- А, если тебя интересует красивая форма, тебе предстоит создать максимально комфортные условия для того сосуда, в котором ты собрался выращивать свой кристалл. Поскольку, любое неосторожное движение приведёт к тому, что ты не получишь крупный, ровный и красивый, как хотелось бы, кристалл.

- Хорошо - вырвалось у меня – договорились.

- Теперь дальше – продолжал он. - Если тебе нужен большой кристалл, позаботься о большом количестве воды. Представляешь, камни и металлы, тоже нуждаются в воде. А поскольку, как и люди, большинство компонентов чувствительны к качеству воды, лучше брать фильтрованную или дистиллированную воду.

- Согласен – опять согласился я.

- Ещё один не маловажный фактор – как бы ни замечая, что происходит диалог, продолжал он. - Если тебе нужен более крупный и более ровный кристалл, делай его в тёплой и отстоявшейся воде. И у тебя получится что-то вроде **Мону-**

мента Джорджу Вашингтону, установленного перед белым домом.

А вот, при быстром охлаждении возникает множество кристалликов, и они, мешая друг другу и не давая возможности обрести правильную форму, образуют ту неповторимую конфигурацию, которую можно рассматривать, практически, бесконечно.

Главное – помнить, что *раствор должен быть насыщенным, то есть при приготовлении раствора на дне сосуда всегда должен оставаться осадок – это первое*. Кристаллик при росте без особой причины нельзя вынимать из раствора – это второе. И ни в коем случае не допускайте попадание мусора в раствор – это третье.

Всё - троично, как всегда.

Я слушал его, совершенно не понимая, к чему он клонит, о чём в итоге собирается мне сказать, но мне было так интересно, что я не осмеливался перебить его.

- Однако – он многозначительно поднял палец, как мне показалось, но – нет, показалось. - Как не странно, но есть ещё и жидкие кристаллы, которые могут быть одновременно и как жидкость и как твёрдое тело.

Достаточно такой кристалл немного нагреть, как он становится жидким. Но, стоит понизить температуру, и он замерзает, и чем ниже температура, тем он твёрже. А всё потому, что молекулы в жидких кристаллах очень подвижны, но расположены регулярно, образуя подобие одномерной или дву-

мерной кристаллической структуры.

- Если говорить проще – перебил я - они ходят строем, а не прикованы к кристаллической решётке.

- Точно – подтвердил он. - Правда строй этот бывает разный, но это – строй. Что интересно, такое регулярное расположение молекул в жидких кристаллах создает их особые оптические свойства. И самое главное то, что их свойствами можно управлять. Достаточно подвергнуть их действию магнитного или электрического поля.

- Это ты сейчас имеешь в виду жидкокристаллические индикаторы часов, калькуляторов, компьютеров и последних моделей телевизоров? Толи спросил, толи подтвердил я.

- И опять ты прав – ответил он, как всегда спокойным и совершенно безэмоциональным голосом. - Но сейчас, я хочу рассказать тебе об одном очень важном, можно сказать одном из главных кристаллов на земле, точнее сказать в планете Земля.

- Ты о кремнии – деловито спросил я.

- Именно – подтвердил он. - Кремний второй на земле после кислорода и составляет больше двадцати пяти с половиной процентов земной коры по весу.

- На латыни кремний - *silix*, что значит *кремень* – вставил я – отсюда и Английское название *silicon* – а сейчас в Америке и силиконовая долина.

- Понял – утвердительно отреагировал он - ты в теме.

- Конечно в теме – улыбнулся я – кремний применяется

в микроэлектронике, в виде больших высококачественных монокристаллов, которые получаются из · двуокиси кремния – это обычный песок и элементарного углерода.

- А выпекается эта смесь – добавил он - в высокотемпературной,

электрической, дуговой печи при температуре – двести градусов по Цельсию.

– Вот именно – сделал я очередную вставку - углерод доводит кремний до

металлургической чистоты, а это целых десять процентов примеси.

А, для того, чтобы кремний довести, как говорится, до ума, его нужно очистить, переведя его в трихлорсилан (SiHCl_3), провести его фракционную дистилляцию и отделить его от любых других хлоридных соединений и только потом восстановить водородом.

- В результате всего этого – закончил он - и получается твёрдый

кремний высокой чистоты. Только я хотел сказать о другом.

Он внимательно, как мне показалось, посмотрел на окно, за которым было уже так темно, что самого окна видно не было, потом на меня и продолжил.

- Сейчас восемьдесят процентов кремния на Земле получают, расплавляя в тигле из плавленого кварца в атмосфере аргона куски поли-Si.

- Это метод Чохральского – добавил я - при постепенном вытягивании кристалла из расплава, на границе раздела жидкость/кристалл, происходит затвердевание атомов жидкой фазы, а точнее присоединение атомов в узлы кристаллической решётки. А температура самого расплава поддерживается на уровне почти полторы тысячи градусов Цельсия, что незначительно превосходит, точку плавления кремния...

- Всё правильно – перебил меня он – если быть точным - тысяча четыреста пятнадцать градусов Цельсия, только я всё-таки не об этом.

- А о чём? – удивился я.

- Ты или не внимательно слушал, или не до конца понял, о чём я тебе говорю – сказал он.

- Это ты сейчас о чём – не понял я.

- Я только что сказал тебе, что кремний, второй на земле после кислорода и...

- Составляет – перебил его я - больше двадцати пяти с половиной процентов земной коры по весу – я помню, а в чём вопрос?

- А вопрос, точнее ответ в том и состоит – как не странно, но, совершенно, как всегда, спокойно продолжил он. – Понимаешь, почти тридцать процентов того, что добывается искусственно.

- И что из этого – недоумевал я.

- А то, что если это можно сделать искусственно, то, как это получилось естественно, теперь понимаешь суть вопро-

са?

Быть таким тупым и одновременно считать себя умным – это великое мастерство. Я никогда не чувствовал себя таким идиотом. Как же я сразу не смог догадаться, что он мне о строении Земли-матушки и о том, что она-то имеет непосредственное отношение к кристаллам. Вот почему он с них и начал. А я тут умничаю, тоже мне профессор, стыдно даже.

- Прости меня, дурака – извинился я – я-то совсем в другие дебри полез.

- Не стоит извиняться – успокаивал он меня – всё нормально. С кем не бывает?

- С кем-то – это нормально – вскипел я - но, не со мной.

Я, вдруг, понял, что опять перегнул. Что же это я сегодня, всё: то не туда, то не за тем.

- Успокоился – услышал я сквозь свои внутренние разборки его спокойный голос и меня, как выключило: полное спокойствие и внутренняя тишина.

Я сидел, стараясь не шевелиться, возможно, даже не дышать, чтобы не спугнуть наступившую тишину и спокойствие и где-то далеко, настолько, что я сразу и не понял, кот и кому говорит, но то, что говорит кто-то, было понятно. Так вот этот кто-то из глубокой глубины сознания спросил меня:
- Ты здесь?

Я открыл глаза и увидел его. Он спокойно смотрел на меня немигающим взглядом: - Ты здесь.

- Давай, мы сейчас с тобой спустимся в лабораторию –

предложил он - и проведём маленький эксперимент.

- В какую лабораторию – удивился я.

- Я тебе сейчас покажу – как всегда спокойно сказал он.

Вдруг, пространство вокруг меня заполнилось мягкой, светло-розовой и совершенно не прозрачной пеленой. Не могу сказать, чтобы я напугался, но неловкое состояние настороженности и чего-то непредсказуемого, заполнило моё сознание.

Когда пелена растворилась, я не сразу понял, что это помещение, поскольку белый матовый свет, струящийся неоткуда, это я потом уже понял, что светилась сама конструкция помещения, состоящая из огромной рамы, с промежутками, закрытыми белым матовым материалом, продолжал ещё некоторое время создавать иллюзию тумана.

Само помещение было абсолютно белое, создавалось впечатление, что, совершенно стерильное, а поскольку оно было округлым, с высоким куполом вместо потолка, создавалось впечатление его бесконечности. И только стоящие вдоль стен большие двустворчатые стеклянные шкафы внутри с разнообразными колбами и приборами и несколько столов торчащих от стены к центру помещения по своей длине, перемежаясь с такими же белыми металлическими стульями, ограничивали это пространство.

Посредине помещения, под большим стеклянным, почему-то совершенно не купольным, а абсолютно ровным кругом потолка диаметром не менее трёх метров, стоял большой

операционный стол, над которым висела огромная лампа.

Было ещё много всего, только моё внимание привлёк именно этот стол. В общем, всё походило на большую операционную или лабораторию. Так её и стану называть.

Он, что самое интересное, я его не видел, а только знал, что он рядом, взял большой стеклянный шар, диаметром, примерно, в один метр, говорю же – не видел, знаю и всё, лежащий возле большого операционного стола, стоящего посередине помещения и поместил его на этом же столе, в специальной подставке с углублением.

- Присядем – предложил он.

- Это зачем? – не понял я.

- Так принято на земле. Спокойно сказал он. - Присесть перед дорожкой.

Мне было приятно, что даже такие мелочи, которые я постепенно начал забывать, он помнил. Да чему я, собственно, удивляюсь? Он просто – знает. Знает и всё.

И мы сели на стулья. Он сел где-то под стеной, возле стеклянного шкафа, а я возле стола. Мне давно не было так хорошо, как сейчас. Так спокойно и в то же самое время, так интересно.

Для того чтобы проследить путь, нужно знать расстояние и скорость. Только, вот скорость в путешествии постоянно меняется, поэтому лучше оставить её в покое и не вспоминать. А по поводу расстояний мнения могут разойтись и довольно серьёзно.

Сначала, в связи с достаточно приличной величиной расстояния, было принято решение измерять его в парсеках.

Если кому не понятно, это - расстояние от места до звезды, у которой годичный параллакс равен одной угловой секунде. Если очень точно, то это – три миллиона две тысячи шестьсот шестнадцать световых лет. Если проще, то это - около двухсот шести тысяч, двухсот шестидесяти четырёх и восьми десятых Астрономических Единицы.

Ну, а если уж совсем просто, тогда – три целых, восемьсот пятьдесят шесть десятитысячных, семьсот семьдесят шесть, умноженное на тысячу шестнадцать метра. Всё просто.

К сожалению, пока судили да рядили, расстояние сильно поменялось и поступило предложение так же поменять и единицу измерения. Поэтому заговорили о световом годе. А это куда понятней, чем какие-то парсеки.

Вот – один световой год, а в нём, всего шестьдесят три тысячи двести сорок одна Астрономическая Единица. Или каких-то девять триллионов, четыреста

шестьдесят миллиардов, семьсот тридцать миллионов, четыреста семьдесят две тысячи, пятьсот восемьдесят километров. Благодать.

Но и тут вышел казус. Пока считали да прикидывали, опять пришлось менять эту таки единицу измерения. А всё они виноваты, да нет, не расстояния. Скорости виноваты, во как.

Вот и тормознули на этой самой Астрономической Еди-

нице. Она-то самая малая из всех. Не верите? Судите сами.

Одна такая Астрономическая Единица – это же только радиус орбиты Земли вокруг Солнца. И того – сто сорок девять миллиардов, пятьсот девяносто семь миллионов, восемьсот семьдесят тысяч семьсот, да не бойтесь вы, это же – метры. Во!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.